

Михаил ХЛЕБНИКОВ

ЧЕМ МЕРИТЬ ОТТЕПЕЛЬ?

В последнее время все больше разговоров о том, что на территории нашей страны могут ограничить использование «Википедии». Многие печалятся по этому поводу, опасаясь утраты источника знаний. Не знаю, насколько может пострадать после этого информационная база химии или физики, но в отношении литературного сегмента выскажу осторожный оптимизм. Есть в нашей критике основательные труды, которые по многим показателям не уступают, а в чем-то даже и превосходят «Википедию». И здесь в первую очередь следует назвать книги Сергея Ивановича Чупринина — известного отечественного критика, доктора филологических наук, главного редактора журнала «Знамя» в течение последних тридцати лет. Если быть точным, то юбилейная дата — декабрь этого года. Но думаю, что поздравить можно и сегодня.

Онлайн-энциклопедия возникла на просторах интернета в 2001 году, а в 2003 году исследователь Чупринин выпустил работу «Русская литература сегодня: путеводитель». В это время русская «Википедия» состояла из жалких ста статей. Несколько лет спустя в 2007 году выходит «Русская литература сегодня: большой путеводитель» — дополненный и расширенный вариант первой книги. Увы, русскоязычная часть электронной энциклопедии выросла до 125 тысяч статей. Индивидуальный разум бросает вызов сетевому монстру. В 2009 году появляется на свет «Русская литература сегодня: новый путеводитель». Википедия отвечает 350 тысячами статей. В 2012-м Сергей Иванович наносит очередной удар — «Русская литература сегодня: малая литературная энциклопедия». Название книги прямо говорит о принципиальности противостояния. «Википедия» предпочитает давить количеством: 800 тысяч статей. На сегодняшний день битва приостановлена, но ничто, как мы увидим, не свидетельствует о том, что автор сдался.

Статьи в книгах Чупринина по содержанию и глубине ничем не уступают самым лучшим википедийным текстам. Структурно книжные статьи делятся на два типа. К первому относятся тексты, содержащие лишь биографические сведения об авторе. Вот основательная информация о Руслане Кирееве в «Новом путеводителе...»:

Киреев Руслан Тимофеевич родился 25 декабря 1941 года в Коканде Узбекской ССР. Окончил автодорожный техникум и Литинститут (1967). Работал в автохозяйствах Крыма и более 20 лет в журнале «Крокодил». Ведет в Литинституте семинар прозы (с 1987) и одновременно заведует отделом прозы журнала «Новый мир» (с 1996). Профессор.

Печатается как журналист с 1958 года (газета «Крымская правда»), как поэт-сатирик с 1960 (журнал «Крокодил»), как прозаик с 1965 (рассказ «Мать и дочь» в журнале «Новый мир»). Автор пьес «Атлантика» (1975), «Времени зигзаг» (1979). Печатал прозу, эссе и статьи в «Литературной газете» и в газетах «Новый Взгляд», «Труд», «Вечерний клуб», в журналах «Вопросы литературы», «Знамя», «Дядя Ваня», «Октябрь», «Новый мир», «Огонек», «Континент», «Звезда», «Нева», «Дружба народов». Его произведения переведены на английский, болгарский, вьетнамский, испанский, китайский, корейский, латышский, немецкий, французский, чешский и другие языки.

Член СП СССР (1973), Русского ПЕН-центра (1991). Был членом (2000, 2006) и председателем (2004, 2005) жюри премии им. Юрия Казакова.

Отмечен премиями журналов «Знамя» (1981), «Октябрь» (1986, 1991), «Нева» (2004), правительства Москвы (1997), Пушкинской медалью «Ревнителю просвещения» Академии российской словесности. Его книга «Пятьдесят лет в раю» вышла в финал премии «Большая книга» (2008).

Далее следует библиография Киреева. Как видим, авторское присутствие минимальное. Но есть и второй тип текстов. В нем мнение исследователя проявляется чаще всего через цитирование других рецензентов и критиков, очень редко мы слышим голос самого Чупринина. Из статьи о заместителе главного редактора журнала «Знамя» — Наталье Ивановой:

Неизменно соотнося в своих статьях и книгах поэтику литературы с поэтикой жизни, стремясь первой сказать об изменениях хронотопа, считается одним из самых сильных полемистов среди современных критиков, публицистов и литературоведов. «Тактика умолчания не для меня», — говорит Иванова, а М. Швыдкой подтверждает: «Наталья Иванова, как правило, не согласна ни с кем, даже сама с собою».

Трудно понять, как и где подчиненная автора полемически высказывалась без умолчаний по поводу непостоянного хронотопа. Сама похвала напоминает больше характеристику принципиальной общественницы — грозы шумных соседей и сквернословящих подростков. Но тут дело тонкое, как хронотоп повернется. Есть и куда более удивительные образцы диалектического мышления. Вот из статьи об Александре Иличевском:

...Тимур Кибиров находит, что проза Иличевского — «это стопроцентная графомания! Ее рецепт прост: смесь головокружительной банальности и пошлости с многозначительной невнятицей» (газета «Культура», 14—20.08.2008). Остается предположить, что прав Сергей Беляков, и действительно «проза Иличевского соотносится с современной русской прозой, как геометрия Лобачевского с геометрией Евклида».

Тут с интерпретацией намного сложнее и ссылкой на наследие Бахтина не отделаешься. Каким образом из суждения о том, что проза Иличевского «стопроцентная графомания» следует, что она «соотносится ...как геометрия Лобачевского с геометрией Евклида»? Извините, но озвученные мнения настолько параллельны друг другу, что пересечься им не поможет и сам Николай Иванович Лобачевский.

Но то дела давно минувших дней, эпохи до возвращения Крыма. В последние годы Сергей Иванович Чупринин продолжил заниматься исследованиями оттепели, начатые еще в конце восьмидесятых. Три года назад вышел увесистый том «Оттепель: События. Март 1953 — август 1968 года». В нем хронология восьми лет передается с помощью дневниковых записей, воспоминаний, цитирования документов. Труд небесполезный, хотя бы с позиции обобщения материала. Его логичным продолжением служит вышедшая в этом году книга-справочник «Оттепель. Действующие лица». Чувствуется, что автор соскучился по возможности прямой речи. Из «Предупреждения»:

Вместе с тем будем надеяться, что это еще и книга для чтения, так как в авторские намерения, помимо установления по возможности точных сведений, входило создание лаконичных психологических портретов — и тех, кто в нашей памяти навсегда, и тех, кто полузабыт, но все-таки оставил след в русской литературе, и тех, на чьем счету всего лишь поступок — либо благородный, либо бесчестный.

Прекрасно, что автор, выступив в роли хранителя «нашей» коллективной памяти, честно сказал о желании напомнить о чьих-то следах и этически точно определяемых поступках. Всего в книге 358 портретов. Да, там есть очерки, посвященные околосредствительным деятелям — «чиновникам и хроникарам», но нам интереснее всего узнать об отношении к тем лицам, которые называются писателями. В одной из своих прежних статей автор отнес себя к «задорному племени», способному «наговорить лишнего», что не может не привлечь любого нормального читателя. В «Предупреждении» Чупринин продолжает профессионально нагнетать: «И выбор фигурантов, и все неточности, ошибки, чрезмерно резкие суждения исключительно на совести автора». Маркетинговый подход, безусловно, правильный. При должном исполнении отдельные эскизные портреты могут соединиться, составив нечто большее — непростую картину того, что мы называем оттепелью. Отмечу, что Чупринин пишет это слово с заглавной буквы, наделяя время и людей, живших тогда, особым, уникальным смыслом.

И еще одно отступление, прежде чем перейдем к разговору о книге. На протяжении нескольких лет автор размещал отдельные тексты из «Действующих лиц» в одной из социальных сетей, упоминание которой сегодня требует использования сноски. Тогда я читал эти очерки с определенным интересом. Мне захотелось проверить: насколько те впечатления сохранятся при знакомстве со всем опусом, объем которого превысил тысячу страниц.

Впечатления есть. И они возникают как раз при сквозном чтении книги, когда персональные биографии неизбежно пересекаясь, наслаиваясь, создают прежде всего понятную картину личных авторских предпочтений. Предлагаю сравнить два схожих эпизода из биографий двух очень непохожих людей. Первый об Александре Галиче, к которому автор испытывает явную симпатию. Итак, начавшаяся война прервала... Трудно сказать, что она прервала, назовем это исканиями:

Он мог бы выучиться на профессионального стихотворца, но, поступив после окончания девятого класса в Литературный институт (1935), предпочел ходить не туда, а в Оперно-драматическую студию К. Станиславского. Мог бы стать артистом и даже играл у В. Плучека

и А. Арбузова, затем, освобожденный ввиду порока сердца от воинской службы, выступал в ташкентской эвакуации и во фронтовых театрах.

Тут хорошо все, включая стилистически замечательный оборот о выступлении в ташкентской эвакуации. Что касается слабого здоровья, не позволившего Галичу попасть на фронт, то интересную деталь об этом мы находим в книге Михаила Аронова «Александр Галич: полная биография». Она значится у Чупринина в списке литературы.

Призвали в армию и Сашу Гинзбурга, но уже первые три врача — терапевт, окулист и невропатолог — признали его негодным и освободили от службы.

Думаю, что всем понятно: когда человек собирает три справки о состоянии здоровья, то это свидетельствует о многом. Здесь можно упомянуть и сердечный порок, но в каком-то другом — немедицинском — смысле. Между прочим, из любопытства попробуйте найти фотографии Галича в очерках. Я таковых не обнаружил. Да и последующая жизнь Александра Аркадьевича, любившего хорошо выпить, постоянно курившего, не чуждавшегося и прочих радостей жизни, слабо соотносится с опасным кардиологическим заболеванием. Что касается работы во фронтовом театре, то прекрасную деталь мы находим вновь у Аронова:

В марте 1942 года, ожидая вызова в Москву (студийцы написали письмо в Политуправление Советской армии с просьбой оформить их как фронтовой театр), они гастролируют по Средней Азии — отправляются с двумя спектаклями и концертной программой в Ленинабад (Таджикистан).

Читая Аронова, можно понять разницу между «фронтовым театром» и выступлениями на фронте. Сравним со схожим эпизодом из очерка о Викторе Розове, к которому автор относится куда строже и требовательнее, назвав его ранние пьесы «слезливо-оптимистическими».

Вообще-то Р. мечтал стать актером. В 16 лет, работая на текстильной фабрике в Костроме, он впервые вышел на сцену местного полусамодельного ТРАМа, в 1934-м поступил в училище при Театре Революции (класс М. Бабановой) и по окончании курса был принят в труппу прославленного театра, где, впрочем, — как он вспоминает, — «никак не мог продвинуться дальше актера вспомогательного состава».

То есть в отличие от Галича, в талантах которого критик не сомневается, способности Розова вызывают у него определенные сомнения. Розов уходит в ополчение и получает серьезное ранение.

Молодой инвалид осенью 1942 года становится заочником Литературного института, а на жизнь зарабатывает в агитбригаде, выступающей с веселыми сценками и перед бойцами, и вообще перед кем угодно.

Возникает ощущение некоторой неразборчивости начинающего драматурга, сервильной готовности веселить кого угодно и где угодно. Намного строже и благороднее выглядит Галич, который, кстати, вернувшись в военную Москву, которой уже ничего не угрожало, оттуда практически и не выезжал.

Переходим от симпатичного автору Галича и сомнительного Розова к несомненно отрицательному во всех отношениях критику Михаилу Лобанову. К нему автор отнесся еще принципиальнее. И тут снова примечательный стилистический оборот: «Отслужив на Брянском фронте и закончив филфак МГУ (1949), он занялся журналистикой». Хорошо видно, как автор старательно выбирает глагол «отслужить», который должен закрыть от читателя целый пласт биографии будущего критика. И действительно, зачем говорить, что Лобанов в семнадцать лет попал в армию, воевал, был тяжело ранен на Курской дуге, почти два года лечился, получил инвалидность. Я бы предложил Сергею Ивановичу не стесняться, не искать полутона, а прямо написать, как было: «отсиживался в окопах, ловко подставился под осколок мины, отлеживал бока в госпиталях». Это было бы честнее обтекаемого «отслужил на фронте». Вполне нормально, что автору могут быть не близки и даже неприятны взгляды Лобанова, он вправе считать его книги слабыми. Но этот прием с «фронтовыми биографиями» — нечто иное.

Кстати, показательно начало очерка о Лобанове:

В либеральной печати о критике и публицисте Л. обычно вспоминают лишь то, что среди его семинаристов в Литературном институте был Виктор Пелевин. И это досадно, так как такого питомца Л., кажется, совсем почти не запомнил, да и на становление его, судя по всему, никак не повлиял.

Вот уж точно антиподы — и по судьбам, и по убеждениям.

Тут нужно перечитать еще раз, хотя это вряд ли поможет. Следует предположить авторскую иронию в отношении непонятно чего. Еще сложнее осознать сентенцию по поводу антиподов. Действительно, в чем могли бы совпадать Лобанов и Пелевин — люди разных эпох, интересов, литературных занятий, чтобы стать, по мнению Чупринина, полными противоположностями? Разное не есть противоположное. Что касается убеждений того и другого, то где и когда Пелевин заявлял о своем несогласии со своим литинститутским преподавателем? Да и собственно, что знает Сергей Иванович о взглядах писателя, всячески уклоняющегося от обозначения своих позиций и представлений? Проклятий Лобанова в адрес неблагодарного ученика мы также не находим. Сам критик привел один из своих отзывов на ранние тексты Пелевина, которые обсуждались на его семинаре:

В рассказах Виктора Пелевина — достоверность житейских наблюдений, иногда утрированных. В последнем рассказе — попытка «сюрреалистического» повествования (о том, как наступает смерть). Еще пока — авторские поиски, идущие скорее от отвлеченного «философствования», нежели от подлинности внутреннего, духовного опыта.

Позже Лобанов характеризует один из тех текстов как «симпатичный фантастический рассказ».

О каких «антиподах» может идти речь?

В итоге перед нами претензия на глубокомысленность, за которой скрывается банальная пустота. Без намека на Чапаева.

Перейдем к портрету Алексея Прасолова — без сомнения большого русского поэта, жизнь которого сложилась трагически.

Но до гордости ли, если его стихи и опыты в прозе даром никому не нужны, а пристрастие к водочке и портвейну начинает вести от одного безобразного запоя к следующему.

Для чего нужно это издевательски сладенькое — «водочка», если учесть, что как раз она во многом затолкала поэта в петлю в неполные сорок два года? В сорок два года из жизни уходит и Владимир Высоцкий. В книге о нем комплиментарный текст. Не такой яркий, как большинство ласковых портретов в исполнении автора. А почему бы его не оживить, допустим, пассажем о «пристрастии Высоцкого к морфинчику»? Подобный ход всякий нормальный человек справедливо назвал бы подлостью.

Тональность меняется, когда речь заходит о правильных и приятных соиздателях оттепели. Вот критик рассказывает о Михаиле Шатрове — драматурге, сделавшем себе имя, и не только, на пьесах о Ленине. Говоря о «не только» можно сослаться на свидетельство самого Чупринина: «Любил иногда пошутить, что до перестройки он был гораздо более обеспеченным человеком». Критерий вроде бы понятен. Но автор призывает не торопиться с преждевременным выводом по поводу идейности Шатрова:

Конечно, в случае Ш. и без конъюнктурного расчета, наверное, не обошлось. Но будем, однако же, справедливы.

Замечателен для доктора филологических наук переход от «конечно» к «наверное». Тактичность к автору драматургической ленинианы поражает. Жаль, что в словарь не попал Венедикт Ерофеев, а то мы могли прочитать: «Конечно, по ряду косвенных признаков мы можем предположить, что, наверное, в определенной степени Е. не был абсолютно равнодушен к алкогольным напиткам».

Будем, однако же, справедливы к автору. Что делать, если Шатров ему просто симпатичен. О том и свидетельствует элегическое завершение очерка:

Но перечитывают ли его? И помнят ли, что знаменитая песня «Как молоды мы были», которую до сих пор кто только не исполняет, была А. Пахмутовой написана для фильма «Моя любовь на третьем курсе» (1975), поставленного по шатровской пьесе «Лошадь Пржевальского»?

На этот немного слезливый вопрос дам оптимистичный ответ. Нет, и вряд ли будут помнить. И почему песня Пахмутовой из фильма Юрия Борейского должна свидетельствовать о тайных достоинствах пьесы Шатрова? Лошади Пржевальского однозначно переживут пьесу о них.

Вроде бы неожиданно Чупринин заступает за коллегу по критическому цеху — Виталия Озерова. В истории отечественной критики он известен как тщательный разработчик не самой простой темы, требовавшей постоянных уточнений и переделок, соответствующих решению очередного пленума ЦК КПСС. Названия его книг красноречивы: «Образ коммуниста в современной литературе» (1959), «Коммунист наших дней в жизни и литературе» (1978), «Коммунист наших дней в жизни и литературе. Тревоги мира и сердце писателя» (1980), «Коммунист наших дней в жизни и литературе: литературно-критические и публицистические очерки» (1984). Перед нами явный претендент на рассказ о бездарном конъюнктурщике, к которому

применимы лишь эпитеты: «кондовый», «ретроград» и т. д. Но не будем топиться с ярлыками.

Однако же индекс добровольного цитирования этих трудов стремился к нулю, а из уст в уста передавалась лишь грубоватая и вряд ли справедливая эпиграмма:

*Известный критик Озеров
Рожден от двух бульдозеров:
Там, где перо его пройдет,
Там ни былинки не растет.*

По натуре О. был, — как рассказывают, — миролюбив и доброжелателен, негласно потакал авторам журнала «Юность», где его жена М. Л. Озерова в течение 30 лет заведовала отделом прозы, и вообще без крайней необходимости в дерьмо старался не вляпываться. Это важно, но несравненно важнее, что главным редактором «Вопросов литературы» он оказался на удивление отличным.

Хочу выразить восхищение в отношении писательского мастерства Чуприна. Для столь гармоничного соединения слов «дерьмо» и «отличный» нужен недюжинный органический талант. И тут вопрос. Почему гуманизм Озерова распространялся только на питомцев Мэри Лазаревны? В остальных случаях, надо полагать, герой небезуспешно «вляпывался».

В ходе чтения книги-справочника у читателя возникает обоснованный вопрос: есть у автора концептуальный подход или все ограничивается личными предпочтениями и антипатиями? Скажу сразу — концептуальный подход есть. Собственно, он и определяет систему оценок Чуприна. Большинство оценок основывается на делении: антисемит / порядочный человек. Начинается это уже в первом очерке книги, посвященном Федору Абрамову:

Вопрос о латентном или вовсе мнимом антисемитизме А. здесь лучше бы не поднимать. Так как это скорее проявление общего для всех деревенщиков и едва не классового неприятия городской интеллигенции и ее распрей с властью, далеких будто бы от «Ванек» с «Маньками».

Я прервал цитирование, там продолжение немалого абзаца. Непонятно, если лучше «здесь» не поднимать, то зачем все равно «здесь» писать? Василий Ардаматский также — антисемит, потому что написал фельетон «Пиния из Жмеринки»:

Ни безродные космополиты, ни врачи-отравители в фельетоне не упоминались, и даже слов «еврей» или «сионист» на страницах «Крокодила» не возникало. Однако соответствующие имена и фамилии подавались с такой подзуживающей концентрированностью, а весь ход и смысл повествования с такой точностью соответствовал распространенным представлениям о еврейском засилье и еврейской нечистоплотности, что публикация тут же была истолкована как антисемитская.

Не упоминал, но истолковали. С явной неприязнью автор пишет об Анатолии Алексине (Гобермане). Проблема в заявлении писателя: «Меня лично антисемитизм ни разу не касался». Касался или не касался, но высказался

популярный автор детских и юношеских книг, по мнению Чуприна, неправильно. А если так, то получите цитату:

Э. Успенский — именно его [Алексина] и С. Михалкова называл «самыми главными негодьями в Союзе писателей», ибо они конкуренции не терпели и будто бы «всё выжигали вокруг себя!».

О Солженицыне и говорить нечего. Странно, что об его антисемитизме говорится в очерке о Григории Бакланове — предшественнике Чуприна в должности главного редактора «Знамени»:

Однако антилиберальная и фундаменталистская риторика, характерная для Солженицына периода эмиграции и первых лет по возвращении в Россию, отталкивала Б. все сильнее, и «Знамя» в 1990-е годы оказалось едва ли не единственным центральным журналом, не опубликовавшим ни единой солженицынской строки. Когда же в печати появился двухтомник «Двести лет вместе» (2001—2002), Б. пришел в ярость и выплеснул эту ярость в своей книге, где пересмотрены и собственное бывшее отношение к Солженицыну, и биография нобелевского лауреата, и весь строй его мысли, признанный юдофобским и человеконенавистническим.

Как видим, «пересмотр биографий» — одно из основных занятий руководителей журнала «Знамя».

Иногда автор отвлекается от «основного вопроса», оставаясь тем не менее зорким исследователем этнических проблем. Вот начало статьи о Шукшине:

Эталонный русский, воплощение, по единодушному мнению, нашего национального характера, Ш. родом был из обрусевшей мордвы — как по матери, так и по отцу.

Кто «единодушно» считает Шукшина воплощением? Откуда эти ликующие интонации в отношении открытия тайны происхождения? И тайны ли это? Что прибавляет или убавляет в отношении Шукшина как русского писателя раскрытие происхождения его родителей? Русским писателем может стать человек любого происхождения — тут нет никаких ограничений и даже оговорок. Жаль, что этого не понимает главный редактор вроде бы либерального журнала...

Но вернемся к корневой проблеме оттепели. Ярослав Смеляков вроде бы антисемитом не был, хотя имеются некоторые косвенные доказательства:

Антисемитом не был, М. Светлова и П. Антокольского обожал, но и проехаться сгоряча относительно «этой нации» был не прочь.

Автор выписывает поэту штраф за незаконную езду:

С. много и мрачно пил, сохраняя повадки то ли хулигана, то ли, как считали многие, природного хама.

О проблемах антисемитизма Чупринин размышляет давно и привычно глубоко, как и положено энциклопедисту и автору больших и малых путеводителей. Ровно тридцать лет тому назад в журнале «Знамя» в рубрике с ильфо-петровским названием *Credo* выходит его программная статья «Выбор. Заметки русского либерала: опыт самоидентификации». В 2012 году статья

переиздается в авторском сборнике с новым названием «Выбор. Опыт самоидентификации русского либерала». Я не проверял тексты на идентичность, но сравнение отдельных фрагментов показывает, что они тождественны.

Я далек от мысли, что проблему антисемитизма можно — в ближайшей перспективе — решить окончательно. Но я уверен, что в воле закона, в воле либерального общественного мнения уже сейчас подавить агрессивный антисемитизм, перевести его хотя бы в латентную, скрытую форму. Нужно и можно сделать так, чтобы быть антисемитом стало и стыдно (будто носишь в себе дурную болезнь), и страшно.

Да, да: именно страшно.

Да и еще раз да! У Сергея Ивановича получилось, как он того и хотел. Страшно. Страшно скучно и как-то тоскливо. Никто не одобряет антисемитизм, но сводить всю непростую историю оттепели к элементарной схеме — заведомо убить интерес к людям, жившим в то непростое время. С учетом, мягко говоря, неблестящего литературного исполнения — результат более чем скромный. Сочетание скуки с простотой мысли, назовем это так из уважения к возрасту автора, умертвляют любой интерес к книге. Даже у самого доброжелательного ее читателя. Если вынести за скобки «чрезмерно резкие суждения», примеры которых я привел, думаю, достаточно, то перед нами тексты из старых, добрых путеводителей и энциклопедий. Автор не смог «наговорить лишнего» в процессе переписывания в энный раз всего того, что уже слишком много раз было сказано, написано и повторено.

Есть ли у книги-справочника шанс на какое-то продолжительное существование в литературе? На мой взгляд — имеется. Гипотетическое блокирование «Википедии», несомненно, привлечет внимание мыслящей аудитории как к этому труду критика, так и к другим его фундаментальным исследованиям, позволит по достоинству оценить широту авторской эрудиции, взвешенность и аргументированность оценок.

